

М.В. Барабанов

Постсоциалистические страны Восточной Европы и европейское сообщество: начало пути в ЕС

В статье освещается начало пути восточноевропейских стран, отказавшихся от социалистической модели развития, в Европейское сообщество, выявляются причины и сложности этого выбора, рассматривается заинтересованность ЕЭС в своем расширении за счет стран Восточной Европы, а также политическое, экономическое и внешнеполитическое измерение отношений Сообщества и будущих его новых членов.

Ключевые слова: постсоциалистические страны; Центральная и Восточная Европа; Восточная Европа; Европейское сообщество; ЕЭС; Западноевропейский союз (ЗЕС).

Для обозначения региона, в который входили бывшие социалистические страны, общепринято использовать термин «Центральная и Восточная Европа». На наш взгляд, применительно к рассматриваемым событиям целесообразнее применять термин «Восточная Европа» (ВЕ). Это понятие несет определенный политический смысл. Не случайно знаковой целью для новых постсоциалистических властей стран Восточной Европы в начале 90-х годов XX века стало избавление от слова «восточный», символизировавшего коммунистическое прошлое.

Сегодня не секрет, что ведущие страны Европейского сообщества участвовали — прямо или опосредованно — в «бархатных» событиях в восточноевропейских странах в конце 80-х годов XX века, когда их вектор развития резко поменялся: произошел поворот от «строительства социализма» к формированию «рыночной и демократической» модели развития [4: с. 81]. Хотя в подавляющем числе работ как зарубежных, так и российских исследователей утверждается мысль, что системная трансформация в странах Восточной Европы не импортирована и не навязана им, а порождена их глубинным, полифакторным развитием, вызрела внутри них [5: с. 69–76].

С такими утверждениями можно согласиться отчасти, поскольку конкретные факты говорят о другом. Важной вехой в кристаллизации взаимоотношений ЕЭС со странами ВЕ стал Парижский саммит «Большой семерки» в июле 1989 года. На основе его решений в сентябре 1989 года была принята программа помощи, оказываемой наиболее «продвинутым» (прежде всего политически) странам ВЕ, как утверждает российская исследовательница С.Л. Глинкина [1: с. 51]. Был создан один из инструментов реализации этой политики — фонд ФАРЕ. Координатором Программы стала Комиссия Европейского экономического сообщества (ЕЭС).

Программа ФАРЕ была направлена вначале на поддержку реформирующейся экономики Польши и Венгрии, а затем распространена, после соответствующего решения Европейского совета в сентябре 1990 года, на Чехословакию, Болгарию, Югославию и Румынию, а позже на ряд других восточноевропейских стран.

К концу 1990 года на поддержку процесса реформ в странах ВЕ, вступивших на путь экономических и политических преобразований, ЕЭС выделило по каналам программы ФАРЕ 500 млн экю⁴, из них 300 млн экю — для первоначальных получателей помощи Венгрии и Польши (в соотношении 1 : 3), остальные 200 млн экю — для других стран ВЕ [1: с. 51].

Следующей важной инициативой Запада, направленной на поддержку трансформационных реформ в Восточной Европе, стало решение об учреждении на сессии Европейского совета в Страсбурге в декабре 1989 года Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР), основной задачей которого стало аккумулирование средств индустриально развитых стран Запада для оказания помощи государствам ВЕ в развитии частного сектора, в становлении демократии и в реформировании экономики. Уставной капитал банка составлял 10 млрд экю, из которых 51 % был внесен государствами — членами ЕЭС, Комиссией и Европейским инвестиционным банком, а 13,45 % — странами ВЕ — получателями займов [1: с. 51].

Создав мощные инструменты финансовой поддержки стран ВЕ в виде безвозмездных субсидий и займов, ЕЭС предприняло следующий чрезвычайно важный с точки зрения трансформирующихся экономик шаг — приступило к поэтапному открытию рынка Сообщества для экспорта товаров постсоциалистических стран.

В этой связи ЕЭС начало либерализацию импортного потока вначале из Венгрии и Польши, а затем из Болгарии, Чехословакии и Румынии, приблизив его уровень к отметке, уже существовавшей в торговле с Югославией. В этом же русле следовали предоставление льготного режима в рамках общей системы преференций сначала Польше и Венгрии.

Таким образом, можно сделать вывод, что к началу 1991 года европейские сообщества, отвечая на перемены в Европе и мире, возникшие в связи с развалом мировой социалистической системы, мобилизовались для того, чтобы использовать исторический шанс объединения Европы на принципах, господствовавших в ее западной части [1: с. 52].

Что касается восточноевропейских стран, то еще до свержения коммунистической власти большинство их населения тянулось к Западу. Одним из проявлений завышенных ожиданий, связанных со сменой системы власти в регионе, была вера восточноевропейцев в свою идентичность с Западной Европой. Причем по оценке социологических опросов, проводимых тогда американскими исследователями, в годы революционных перемен восточно-европейцы в целом относились к капитализму как общественной системе более благоприятно или даже восторженно, чем респонденты в странах Запада [9: р. 193].

⁴ Экю — валютная единица, использовавшаяся в европейской валютной системе ЕЭС и ЕС в 1979–1998 гг.

Наряду с экономическими причинами в основе желания этих восточно-европейских государств вступить в Европейское сообщество лежали также политические мотивы и стремление к безопасности. Ведь стать полноправным членом ЕЭС для этих стран означало окончательный выход из-под сферы влияния России и «возвращение в Европу».

Итак, после развала «социалистической системы» восточноевропейские страны «потянулись в Европу». Европейское сообщество ответило взаимностью. По утверждению ряда специалистов, существование ЕС по соседству с замкнутой группой постсоветских государств с социально-экономическими и этническими проблемами и неустойчивой демократической структурой было потенциально опасным. Вследствие этого расширение на Восток рассматривалось как важный фактор утверждения демократии и стабильности в Европе. Более того, присоединение Центрально-Восточной Европы позволяло усилить политический вес ЕС в мире, изменить его международный статус.

«Расширение ЕС в первую очередь есть политический, символический или даже идеалистический процесс, лишь в последнюю очередь — экономический», — утверждает российский исследователь А.В. Дрыночкин. Это вытекает, по его мнению, «из того факта, что и сам Евросоюз является проектом, т. е. результатом целенаправленной деятельности людей» [2: с. 51].

В начале 90-х годов XX века западными исследователями началось цивилизационное обоснование необходимости вхождения бывших социалистических стран в единую Европу. Многие европейские специалисты заговорили тогда о глубоких исторических корнях «европейской идеи». Ректор Европейского колледжа доктор В. Унгерер подчеркивал, что проект Европейского союза издавна занимал философов (И. Кант), поэтов (В. Гюго), политических деятелей (Куденхове-Калерги) [14: р. 42].

Проблема практического создания «новой Европы» возникла не в 1989 году, а сразу после завершения Второй мировой войны, утверждали многие европейские исследователи. Именно после войны, по их мнению, стало очевидным, что национально-государственная система, сложившаяся на континенте в XVII–XVIII веках, не способна ни обойтись без кровопролитных войн, ни обеспечить европейцам достойное место на мировой сцене будущего, где ведущие роли призваны играть субъекты континентального масштаба.

Концепция, которая легла в основу западноевропейской интеграции, как писал Унгерер, изначально была рассчитана на всю Европу. Воссоединение — в той или иной форме — двух частей разделенного континента, добавлял американский исследователь С.Ф. Крамер, всегда оставалось долгосрочной целью крупнейших западноевропейских политиков самых разных идеологических ориентаций от К. Аденауэра, А. де Гаспери и Ш. де Голля до В. Брандта [8: р. 212].

Л. Рюль предлагал отказаться от самого понятия «Восточная Европа» применительно к западнославянским и придунайским государствам. По его мнению, этот термин относился в XVIII–XIX веках преимущественно к России (с входившими в ее состав Прибалтикой и восточной частью Польши) и к европейским

территориям Османской империи. В 1945–1948 годах термин «Восточная Европа» использовался для обозначения зоны, занятой Советской армией.

Бывшие коммунистические страны не просто стремятся к привилегированным отношениям с Западом, писал Л. Рюль, Чехословакия, Венгрия, Польша и даже Прибалтийские республики «рассматривают себя как неотъемлемую часть Западной Европы», отвергая «любые варианты промежуточного положения» и особого статуса в панъевропейской системе [12: р. 48].

В области безопасности восточноевропейские государства сначала не возлагали особо больших надежд на западноевропейские институты. В 1990–1991 годы несколько активизировались их контакты с Западноевропейским союзом (ЗЕС), были заключены отдельные двусторонние договоры (между Францией и Польшей, Германией и Польшей), предусматривающие консультации в случае возникновения угрозы безопасности одной из сторон. Однако все эти каналы сотрудничества, по словам Крамера, не обеспечивали «подлинных гарантий» [8: р. 212].

В чем же видели гарантии безопасности для восточноевропейских стран европейские аналитики? Они видели эти гарантии в реализации принципа «большинства», а не консенсуса в рамках Европейского сообщества.

Принцип консенсуса в принятии решений, утверждал В. Унгерер, «недостаточен для быстрых и волевых действий в кризисных ситуациях» [14: р. 51]. Л. Бриттэн, ссылаясь на уроки Югославии, подчеркивал, что вопрос о вступлении в военные действия вряд ли может решаться на национальном уровне, тем более учитывая особые исторические сложившиеся связи и интересы отдельных государств-членов в тех или иных странах и регионах [7: р. 33].

А. Менк обращал внимание на то, что утверждение ЕЭС в качестве гаранта европейской безопасности опирается не только на изменение его институционального механизма, но и в поисках ответа на следующие вопросы: на базе какого права, в каких географических пределах, каким образом и с помощью каких военных средств Европа может поддерживать порядок [10: р. 17].

По мнению С.Ф. Крамера, обязательным условием установления прочного режима безопасности в Восточной Европе, а, следовательно, и на континенте в целом, должно быть предварительное превращение восточноевропейских стран в «нормальные» государства, «что предполагает разрешение внутренних национальных вопросов и хорошие межгосударственные отношения с соседями» [8: р. 213]. То же относится и к республикам бывшего Советского Союза, без которых «единая и свободная Европа» не может быть создана [8: р. 213]. «В конечном же счете, — считал Крамер, — единственное решение проблемы статуса Восточной Европы заключалось в ее полноправном членстве в Европейском сообществе, призванном стать не только экономической общностью, но и политическим союзом, схватывающим область безопасности» [8: р. 213].

Дискуссия о расширении ЕС интенсивно велась с самого начала 1990-х годов, что являлось результатом совокупного воздействия двух явлений — значительных успехов, достигнутых в ходе «европейского строительства» во второй половине 80-х годов, и крушения коммунизма. Сообщество оказалось главным полюсом

притяжения для восточноевропейских народов и правительств, которые, как отмечал тогдашний вице-президент Комиссии ЕЭС М. Бангеманн, «не имеют и не одобряют иных идей и планов по организации Европы» [6: р. 21].

К осени 1991 года в инстанции ЕЭС поступили заявки на вступление от Польши, Венгрии и Чехословакии. Принципиальная позиция руководства ЕС зиждилась на 237-й статье Римского договора, гласящей, что Сообщество «открыто для любой европейской демократии» [6: р. 22].

Основатели ЕС и их последователи, отмечал М. Бангеманн, всегда рассматривали Сообщество как «сердцевину объединительного процесса» в рамках всей Европы [6: р. 21]. Специалисты указывали на впечатляющие долгосрочные результаты крупного расширения ЕС: Сообщество или Европейский союз, подчеркивал В. Унгерер в 1991 году, будет насчитывать 400 млн человек и обладать самым высоким ВВП в мире, приобретет многообразные культурные источники созидания и «станет более сбалансированным в географическом и культурном смысле, чем сейчас» [14: р. 46].

Вместе с тем вокруг условий и сроков приема новых членов возникли острые споры, в процессе которых в качестве преобладающей концепции стали формироваться идеи диалектического сочетания углубления и расширения интеграционного процесса. По словам М. Бангеманна, сама «концепция расширения... требует углубления», поскольку в случае удвоения числа участников нормальное функционирование существующих ныне институтов ЕЭС окажется невозможным [6: р. 23]. В свою очередь реформа Сообщества является подготовкой к приему новых членов» [6: р. 24].

В сентябре 1990 года Комиссия ЕЭС разработала «Общие параметры соглашений об ассоциации» со странами этого региона, на базе которых начались переговоры с Чехословакией, Польшей и Венгрией [8: р. 213]. Документ Комиссии устанавливал в качестве исходных условий ассоциации не только экономические, но и политические критерии, включая верховенство закона, уважение прав человека, многопартийность, свободные выборы.

Статья 238 Римского договора допускала разработку весьма широкого спектра вариантов ассоциации — от простых соглашений о торговле и помощи до договоров, предусматривавших создание не только зон свободной торговли, но и таможенных союзов, использование норм коммунитарного права в ассоциированных странах, их участие в различных технологических и региональных программах Сообщества, регулярный диалог в сфере внешней политики и безопасности, а также культурное сотрудничество [14: р. 45].

По мнению В. Унгерера, подобные развитые виды ассоциации могут стать наиболее удачной формой связей и помощи бывшим коммунистическим странам на весь тот период, который понадобится им для полного утверждения демократических и рыночных структур. Последнее же, как подчеркивает он и многие другие, оказалось «сопряженным с гораздо большими сложностями, чем представлялось вначале» [14: р. 46].

Уже подготовка первых соглашений об ассоциации с Польшей, Чехословакией и Венгрией столкнулась с серьезными проблемами, связанными с потенциальными экономическими ущербами для Сообщества и его отдельных участников. Соглашения, подписанные 16 декабря 1991 года, не предусматривали, в частности, свободного движения ни товаров, ни людей.

Лишь в последний момент ЕЭС согласилось включить в них положение о том, что вступление в Сообщество представляет «конечную, хотя и не автоматическую цель» ассоциации. Все это, полагал С.Ф. Крамер, внушает сомнения в успехе реформирования и приобщения к ЕС даже этих трех государств. В то же время соглашения с ними рискуют воздвигнуть новый барьер между этой «тройкой» и их менее благополучными соседями [8: р. 214].

На перспективу возможного «нового раскола континента» обращал внимание и директор Белгородского института международной политики и экономики Предраг Симич. Помимо новой «экономической биполярности», «разграничения между богатыми и бедными» он отмечал разделение восточной части Европы «на три различных ареала: Центральную Европу, где изменения происходят наиболее быстро и где западные страны (особенно Германия) проявляют безусловную заинтересованность в поддержке перемен; Юго-Восточную Европу (Балканы), где изменения намного медленнее, перспективы менее определены, а интересы западных стран весьма противоречивы... территорию бывшего СССР, которую можно обозначить как Восточную Европу в точном смысле этого термина, где направление развития до сих пор неясно и сопряжено с особыми опасностями» [13: р. 26].

Своеобразное решение проблемы предлагал А. Менк, по мнению которого «следовало бы поменять местами экономические и политические этапы» воссоединения Европы [10: р. 17]. Он рекомендовал символически принять все восточноевропейские государства в Сообщество: они «подняли бы в Брюсселе свои флаги, подписали бы хартию демократии, оговаривающую, в числе прочего, права меньшинств, тем самым согласились бы на арбитраж в случае конфликтов и участвовали бы в некоторых механизмах политического сотрудничества». По мнению Менка, это имело бы важный психологический и политический эффект и позволило бы спокойно обсудить с каждой из стран Востока «сроки и формы ее присоединения к экономической Европе», которые могут и должны сильно варьироваться [10: р. 17].

Споры внутри Сообщества вокруг отношений с Восточной Европой имели и социально-экономическое измерение. Хотя социал-демократическое движение, как подчеркивал Крамер, не предлагает сейчас «внятной... альтернативы идеологии свободного рынка», поиск оптимального баланса между плановым и рыночным началами хозяйства не только продолжается, но и приобретает крайнюю актуальность для Европы в условиях промышленного вызова со стороны Японии [8: р. 215]. Это сказывалось на дискуссиях о формах помощи Востоку и о ее конечных целях; например, программа ЕБРР отражала предпочтения

французского руководства и нацелена на формирование в Восточной Европе экономической модели с чрезмерно, по мнению Крамера, развитыми этатистскими элементами.

Западная Европа, отмечал Крамер, остро нуждается в проведении по-настоящему единого «восточного» курса. А это требовало, по его мнению, прежде всего согласия между Францией и Германией и их совместного лидерства, которое, как показал опыт, является «ключом к успехам Сообщества» [8: р. 215]. Реальная опасность заключалась, как утверждал Крамер, не в германском преобладании, а в недостаточности западной помощи Востоку.

Западноевропейская политическая мысль проникалась в начале 1990-х годов сознанием того, что международно-политические, военные, социальные и экономические аспекты развития Восточной Европы теснейшим образом взаимосвязаны. Подчеркивая эту связь, Дж. Роупер призывал Запад, и в частности, Сообщество, разработать по отношению к Востоку комплексную стратегию, экономические и военно-политические направления которой были бы согласованы между собой. Только такой подход, убежденно утверждал он, позволит построить новую систему европейской безопасности [11: р. 3].

Утверждать, что Сообществу удалось разработать Комплексную программу и стратегию по отношению к странам-кандидатам вряд ли возможно без существенных оговорок. Однако надо признать, что пятое расширение Евросоюза сделало европейскую часть континента более бесконфликтной и объединенной. По мнению старых членов ЕС, удалось добиться огромного успеха в плане стабилизации ситуации на континенте, учитывая, что в состав Европейского союза была принята группа стран, которые были непосредственными соседями ЕС.

Одним словом, членство в ЕС предоставило странам Восточной Европы возможность обеспечить собственную безопасность и «состыковаться с локомотивом» социально-экономического развития Европы [3: с. 95]. Однако в полной мере реализовать эту возможность в силу ряда факторов не удалось. К сожалению, сбываются некоторые прогнозы об усилении противоречий между «старой» и «молодой» Европой, да и между новыми членами Евросоюза разворачивается острая конкуренция.

Литература

1. Глинкина С.Л. Центральная-Восточная Европа на пути в Евросоюз // Новая и новейшая история. 2007. № 3. С. 46–65.
2. Дрыночкин А.В. Последствия вступления в ЕС // Евроинтеграция: влияние на экономическое развитие Центральной и Восточной Европы = Eurointegration: impact on economic development of Central and Eastern Europe / Отв. ред. А.И. Бажан. М.: Ин-т Европы РАН, 2014. С. 50–62.
3. Ланг К. Страны — члены Европейского союза спустя два года после расширения: уроки и перспективы // Вестник аналитики. 2006. № 3. С. 95–105.
4. Усиевич М.А. Десятилетие реформ в Венгрии. 90-е годы XX в. // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 80–97.

5. *Язборовская И.С.* Глобализация и опыт системной трансформации в странах Центрально- и Юго-Восточной Европы. М.: «Academic», 2008, 378 с.
6. *Bangemann M.* The process of European unification // *Studia diplomatica*. Bruxelles, 1991. Vol. 44. № 4. P. 21–30.
7. *Brittan L.* Political union and disunion in Europe // *Studia diplomatica*. Bruxelles, 1991. Vol. 44. № 4. P. 31–36.
8. *Kramer S.Ph.* Western Europe's «eastern question» // *The World today*. L., 1991. Vol. 47. № 12. P. 212–215.
9. *Deacon B.* Social policy, social justice and citizenship in Eastern Europe. 1992. P. 193.
10. *Minc A., Montrial Th. de.* A cote de l'essentiel // *Rev. des deux mondes*. P., 1991. № 12. P. 14–25.
11. *Roper J.* Yugoslavia and European security // *Rev. of Intern. Affairs*. Belgrade, 1992. Vol. 43. № 1002. P. 1–3.
12. *Ruhl L.* Defense: La longue marche fr. — allem. // *Rev. des deux mondes*. P., 1991. № 12. P. 46–58.
13. *Simic P.* Europe after the end of Cold War // *Rev. of Intern. Affairs*. Belgrade, 1992. Vol. 43. № 1002. P. 24–26.
14. *Ungerer W.* European perspectives and Central Europe // *Studia diplomatica*. Bruxelles, 1991. Vol. 44. № 4. P. 41–51.

Literatura

1. *Glinkina S.L.* Central'no-Vostochnaya Evropa na puti v Evrosoyuz // *Novaya i novejschaya istoriya*. 2007. № 3. С. 46–65.
2. *Dry'nochkin A.V.* Posledstviya vstupleniya v ES // *Evrointegraciya: vliyanie na e'konomicheskoe razvitie Central'noj i Vostochnoj Evropy' = Eurointegration: impact on economic development of Central and Eastern Europe / Otv. red. A.I. Bazhan*. М.: In-t Evropy' RAN, 2014. S. 50–62.
3. *Lang K.* Strany' — chleny' Evropejskogo soyuza spustya dva goda posle rasshireniya: uroki i perspektivy' // *Vestnik analitiki*. 2006. № 3. S. 95–105.
4. *Usievich M.A.* Desyatiletie reform v Vengrii. 90-e gody' XX v. // *Novaya i novejschaya istoriya*. 2002. № 5. S. 80–97.
5. *Yazhborovskaya I.S.* Globalizaciya i opy't sistemnoj transformacii v stranax Central'no- i Yugo-Vostochnoj Evropy'. М.: «Academic», 2008, 378 с.
6. *Bangemann M.* The process of European unification // *Studia diplomatica*. Bruxelles, 1991. Vol. 44. № 4. P. 21–30.
7. *Brittan L.* Political union and disunion in Europe // *Studia diplomatica*. Bruxelles, 1991. Vol. 44. № 4. P. 31–36.
8. *Kramer S.Ph.* Western Europe's «eastern question» // *The World today*. L., 1991. Vol. 47. № 12. P. 212–215.
9. *Deacon B.* Social policy, social justice and citizenship in Eastern Europe. 1992. P. 193.
10. *Minc A., Montrial Th. de.* A cote de l'essentiel // *Rev. des deux mondes*. P., 1991. № 12. P. 14–25.
11. *Roper J.* Yugoslavia and European security // *Rev. of Intern. Affairs*. Belgrade, 1992. Vol. 43. № 1002. P. 1–3.
12. *Ruhl L.* Defense: La longue marche fr. — allem. // *Rev. des deux mondes*. P., 1991. № 12. P. 46–58.

13. *Simic P.* Europe after the end of Cold War // *Rev. of Intern. Affairs.* Belgrade, 1992. Vol. 43. № 1002. P. 24–26.
14. *Ungerer W.* European perspectives and Central Europe // *Studia diplomatica.* Bruxelles, 1991. Vol. 44. № 4. P. 41–51.

M.V. Barabanov

**«Post-Socialist» East Europe Countries and European Community:
the Beginning of the Way to the EU**

In this article the author highlights the beginning of the way of Eastern European countries, that have renounced the socialist model of development, towards European Community and reveals the causes and difficulties of this choice. The author considers the interest of the EEC in its expansion at the expense of countries in Eastern Europe, as well as political, economic and foreign policy dimension of the relations of the Community and its new future members.

Keywords: «post-socialist» countries, Central and Eastern Europe, Eastern Europe, European Community, European Economic Community (EEC), Western European Union (WEU).